

УДК 82-14

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ПОЭЗИИ М. Х. МОКАЕВА

Керимова Р. А.

*Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Российская Федерация
E-mail: K.roza07@mail.ru*

В статье впервые впервые попытка рассмотрения этико-эстетической системы отражения действительности в художественном мире М. Мокаева. Внимание сфокусировано на основных темах и мотивах его лирики, исследован поэтический почерк, определены художественно-стилевые особенности творчества. В результате – раскрыты важнейшие аспекты в развитии художественного сознания писателя, выявлена самобытность художественно-философской модели мира, определена специфика взаимосвязи преемственности и новаторства в лирике М. Мокаева. Анализ поэтических текстов позволил выявить основополагающие ценностные ориентации и нравственные устремления балкарского художника. Определена основная эстетическая категория, формирующая художественную модель мира в произведениях М. Мокаева. Поэт стремился переосмыслить вечные, вневременные проблемы, которые часто переплетены между собой (любовь – родина – природа) и философскими думами о мироздании. Художественная модель мира М. Мокаева рассматривается на трех его уровнях – идейно-образном, структурно-композиционном и художественно-речевом.

Ключевые слова: карачаево-балкарская литература «оттепели», М. Мокаев, поэзия, концепт «любовь», художественный мир, натурфилософская лирика.

ВВЕДЕНИЕ

М. Х. Мокаев – один из ярких и самобытных поэтов-шестидесятников, который внес неопределимый вклад в развитие карачаево-балкарской литературы. Наследие писателя не осталось незамеченным литературоведами и критиками, но отдельных работ, посвященных системному исследованию творчества М. Мокаева, до сих пор нет. Существуют различные издания, в которых, ученые затрагивают и упоминают имя писателя в аспекте общей проблематики (З. Толгуров, А. Урусбиева, Т. Биттирова, Ж. Кулиева, Е. Жабоева, Ф. Узденова и др.). В связи с этим, данное исследование дает возможность полноценного включения наследия М. Мокаева в научный оборот. В научной концепции исследования мы опирались на труды Ю. Лотмана, Т. Топорова, М. Хайдеггера, А. Лосева, М. Эпштейна, Б. Эхенбаума, а также на работы северокавказских ученых – З. Толгурова, Ф. Урусбиевой, З. Кучуковой, А. Казиевой и др. Цель статьи – проанализировать самобытную художественную модель мира в поэзии М. Мокаева, раскрыть его представления о космогонических, религиозных, этнических и других понятиях о внешнем мире.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

М. Мокаев – поэт-шестидесятник.

М. Мокаев пришел в карачаево-балкарскую словесность в начале 60-х годов XX в., в период трансформаций во времени и внутри литературного процесса страны. Стоит отметить, что, несмотря на определенные негативные события в жизни карачаево-балкарского народа (депортация 1943–1957), эпоха хрущевской

«оттепели» оказала благотворное влияние на его культуру. М. Мокаев представлял поколение творцов новой формации, которые стремились преодолеть основополагающие черты «классового» искусства советской поэтической школы. Поэт создал несколько произведений на политические запросы дня («Песня джигитов», «Летняя поэма»), но при этом его творчество демонстрировало новое осмысление социально-общественных идей, а усиление национальной специфики в тексте свидетельствовало о преодолении этапа ангажированности.

Литература эпохи «оттепели» ознаменована появлением многих имен, новых направлений и жанров в отечественной культуре. С произведениями публицистической направленности заявили о себе Е. Евтушенко, Р. Рождественский, Б. Ахмадулина, Б. Окуджава и др. Данное течение продолжало традиции В. Маяковского, в литературе 60-х гг. оно получило название «громкая / эстрадная лирика». Другое направление – «тихая лирика», впервые обозначенная в работе В. Кожина, «представляло собой сдержанное натурфилософское течение, для которого характерно внимание к онтологическим проблемам существования человека, отдаление от идеологии "соцреализма"» [12, с. 296]. Представители этого поэтического направления – Н. Рубцов, В. Соколов, А. Жигулин, А. Прасолов, Н. Тряпкин, А. Передреев, С. Дрофенко и др. Их произведениям присущи медитативность, элегичность, обращение к фольклору. Особенности, характерные для творчества поэтов «тихой лирики», были близки поэзии М. Мокаева. Уже ранние поэтические опыты демонстрировали тяготение к уникально-личностному осмыслению бытия. Он стремился освоить достижения различных культур, что впоследствии позволило ему новаторски подойти к решению важнейших вопросов в аспекте стихосложения и поэтики.

На формирование индивидуально-авторской художественной модели мира оказали влияние как поэты-классики карачаево-балкарской литературы (К. Мечиев, К. Кулиев, К. Отаров и др.), так и русские и зарубежные писатели (А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Рубцов, К. Бальмонт, В. Шекспир, Петрарка и др.). При этом особый интерес представляет тот факт, что, несмотря на характерную для творчества М. Мокаева экстравертность, он являл собой редкий в литературе тип художника, чье образное мышление было типологически идентично фольклорному.

Художественный мир М. Мокаева включает в себе (помимо транснациональных основ и влияния русской классической поэзии XIX века) ядро этнической концептосферы. То есть, создаваемая писателем модель мира – это «модель мира автора, которая выражается через язык пространственных представлений, а художественное пространство не есть пассивное вместилище героев и сюжетных эпизодов» (Ю. Лотман).

Поэтический язык М. Мокаева являет собой яркое воплощение традиционной речевой культуры карачаево-балкарского народа. Язык его произведений усложнен архаизмами, историзмами, обращением к паремическому фонду. Поэтика произведений четко отображает стереотипные представления народа и базовые концепты этнокультуры. Поэзия М. Мокаева ориентируется на национальную классическую традицию: в ней затрагиваются вечные темы, стихи наделяются напевностью, ритмичностью. Рассуждая о структуре напевных стихотворений,

Б. Эйхенбаум особо выделяет интонацию, подчеркивая, что именно она «действует как организующее начало композиции, так что в градации подчинения друг другу различных стилистических и фонетических моментов она занимает верховное место» [13]. Использование данного приема в творчестве М. Мокаева свидетельствует о том, что для поэта были важны песенные традиции карачаево-балкарского народа.

Так, многие стихотворения о родине поэт создает в песенном жанре: «*Кел, кел, кел, кел, таулары кёр! Жерими жазы, жайы да – шорха тауушлу. Жолунга тюшер кенг ауанасы тау кьушину*» [9, с. 116] (Приходи, приходи, приходи, приходи, увидь горы! И весной, и летом на моей земле – шум/звук водопада. На твою дорогу упадет широкая тень горного орла). (Здесь и далее, где это не оговорено, подстрочные переводы наши. – Р. К.). Долгое время карачаево-балкарская песня трактовалась как полуфольклорная, так как она формировалась под влиянием народного песенного жанра (с хоровым сопровождением эжиу). В эпоху хрущевской «оттепели» данный жанр претерпевает некоторые трансформации в плане интонационного отбора (обновления ритма), вследствие этого песни стали исполнять в новых аранжировках без хорового сопровождения.

Данные тенденции проявились на основе текстов М. Мокаева, ориентированных на песенный жанр («Таулары кёр» («Увидь горы»), «Орайда», «Къызны эки жыры» («Две песни девушки»), «Таулу жолоучуну жыры» («Песня балкарского путника») и др.). Художник создал множество произведений с принципиально новым оформлением в плане образного строя и синтаксиса, но в то же время они не теряли сходства с фольклорными формами. Одно из таких творений автора – «Зову в горы», которое в течение многих лет исполняется карачаево-балкарскими певцами.

Самобытность поэтического стиля М. Мокаева выявляется на уровне традиционных для карачаево-балкарской литературы тем, посвященных малой Родине, родной природе. По мнению Н. А. Красавского, «традиции, обычаи, нравы обуславливают этническую специфику эмоциональных концептов» [3]. Так, концепт выступает в качестве того связующего звена, который формирует в поэтическом языке результаты освоения человеком мира (определенные понятия).

Любовь как эстетическая категория и принцип освоения действительности.

Как было отмечено, творчество М. Мокаева, помимо фольклорных основ, ориентировалось на лучшие образцы мировой литературы, при этом автор сумел создать самобытную художественную модель мира, которая сформировалась посредством субъективной мировоззренческой концепции бытия, опирающейся на его представления о космогонических, религиозных, этнических и других понятиях о мире. В свою очередь, «картина мира, сущностно понята, означает... не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины» [13, с. 113]. Заложенные в сознании поэта концептуальные структуры создали в тексте индивидуально-авторское представление о таких культурных концептах, как «природа», «человек», «любовь». По сути, М. Мокаев стремился постичь основы романтизма, усилившегося в литературе «оттепели». Так, в творчестве поэта развиваются характерные для романтизма черты. Это и сюжетно-тематические и

образно-символические признаки данного направления, а также обновление поэтического языка и особая «романтическая философия».

При этом основной эстетической категорией и принципом освоения действительности в художественном мире М. Мокаева выступает любовь. Но важно понимать, что в художественной картине мира М. Мокаева «философия любви» – это не только любовь к женщине, в данном случае это отношение к окружающему миру, так называемая философия «безусловной любви ко всему живому».

Автор вкладывает в данное понятие чувство глубокой преданности малой родине, друзьям, родственникам, любимой женщине, абстрактным понятиям (мечте, надежде). Подобное восприятие в какой-то степени приближено к рассуждениям И. В. Киреевского о религиозно-философской лирике славянофилов, которые, по его мнению, «стремились к ней посредством внутреннего возвышения самосознания к сердечной цельности и сосредоточению разума» [2].

Любовь для поэта превыше всего на этой земле, об этом он рассуждает в сборнике «Свет Вселенной» (1976). В одном из стихотворений этой книги под таким же названием «Свет Вселенной», четко улавливаются эмоционально-смысловые грани и индивидуально-авторское восприятие окружающего мира в самобытной художественной картине: *«Сюймеклиги жокъну жарлылыкъ / жаны нурходукга тенг этеди. / Сюймеклик – жюрекле жарыгы, / бу дуняда андан кючлю неди? / Сюйгенме анамы, атамы, / Кёгюмю чууакъ Кюнюн, Айынча, / ансыз болмайды бир атламым, / ол сюймеклик сыйлыды, алгыынча. / Тенглериме да сюймеклигим / жюрегими тёрюнде юйрейди: / «Къоркъма, къара жел сюргенликге, / хар къайда жол нёгерингме!» – дейди. / Журтума, халкъыма сюймеклик / бек биринчи, бек ахыр жырымды, / бетиме андан къут себилип, / ата отжагъамча, ол жылыды. / Жерге сюймеклигими элпек / кырдыгы жумушакъды, жангыды. / Кёкге сюймеклигими эртден / жулдузу жылтырайды-жанады. / Таулу къызы да суйдюм бир бек, / ол сезим ёмюрлюк кёрюнеди: / ол мени ийнакълайды бирде, / бирде уа – сакъ отда кюйдюреди»* [9, с. 8] (Когда нет любви, / нищета сердца уподобляет человека пылинке. / Любовь – освещает сердца, / что может быть в этом мире сильнее ее? / Я любил мать, отца, / Солнце на ясном небе, / Луну, без нее не бывает и шага, / эта любовь все так же ценна, как раньше. / Любовь к друзьям в глубине души растет: «Не бойся несмотря на то, что дуют темные ветра, / всегда дорога моим друзьям!» – оно (сердце) говорит. / Любовь к Родине, народу, / прежде всего, до последнего вдоха буду их воспевать. / Брызги счастья, очаг согревают. / Любовь к земле огромна, как мягкая, свежая трава. / Любовь к небу, как утренняя звезда, она блестит и переливается. / Полюбил балкарку сильно, чувствую, что навеки: / она иногда ласкает меня, / иногда – в огне обжигает).

Любовная лирика М. Мокаева построена на приеме параллелизма и прослеживается неразрывная связь природы и внутреннего мира человека. При этом такие концептуальные понятия, как любовь, человек, природа, переплетены в единое поле, которое развивается под призмой национальной и индивидуально-специфической картины мира.

Пейзажная лирика в творчестве М. Мокаева тесно связана с малой родиной. Это эстетическое любование ее природой, восхищение и неразрывная связь с ней: *«Жылы*

жауунунг бетими жууа-жууа, / уппа этдим къяя ташынгы. / Азат тауларынгда, / жыл сайын жауа-жауа, / къярынг да агъартды башымы. / Азат тауларынгда, жулдузла жана-жана, / сен азмы жсырлатдынг жашынгы!» [9, с. 5] (Теплый дождь омывал мое лицо, / когда целовал камень на скале. / От снега, падающего каждый год в вольных горах, / поседали мои волосы. / В вольных горах, звезды горят ярко, / мало ли твой сын воспевал тебя!).

В произведениях, посвященных малой родине, природе, автор (как и в большинстве случаев) использует лексему «любовь». В них окружающий мир воссоздается посредством гармонии звуков. Шум речки/водопада легко улавливается в ритмическом строе стихотворений. Пейзажные зарисовки образуются в лирике М. Мокаева с помощью средств изобразительности, приемов детализации, то есть посредством методов, которые позволяют максимально визуализировать и прочувствовать образы окружающего мира: *«Высок полет орла, – он белизной своею / Идущего в горах приковывает глаз. / Прекрасен ты, и твой нарзан всех вод вкуснее, / О старый Тихтенген¹, воспетый столько раз! / С тех круч, где даже тур скользит, упасть боясь, / Вновь дух мой усладишь, прохладой горной вея, / И вечным зеркалом на солнце пламенея, / Гладь синих ледников зовет, сверкая, нас»* [8, с. 111]. Стоит отметить, что сложно найти в творчестве М. Мокаева стихотворение, в котором нет аналогий, связанных с образом камня, звезды, неба, воды. Данную особенность писатель сохраняет на протяжении всего творческого пути.

Вообще природа родного края в лирике М. Мокаева выступает как основной компонент для философского размышления о бытие. В данном аспекте выявляется четкая ориентация на романтическую поэзию XIX века.

В произведениях М. Мокаева наблюдаются усиление психологизма и актуализация этнокультурного компонента: *«О песни мои, внушенные раздумьями долгими мне, – / Клубящимися, как тучи, и льющимися, как ливень! – / Они, как орлы, что крылья расправили в вышине / Над Шау-Камским ущельем в полете своем горделивом. О песни мои, что, изранены, / прильнули к прохладе волны! – / Они вновь легко и стремительно крутые осият отроги, / И станут, как туры, взбираться туда, на скалу Гыпайны, / Туда, к синеве ледников. Высоки, высоки их дороги!»* [8, с. 89]. При этом природные аналогии в тексте можно рассматривать как проекции его душевного состояния, также они участвуют при формировании портрета лирического героя. Созданные посредством природы образы отражают особенности национальной концептосферы и индивидуально-авторской картины мира.

Будучи знатоком западной и восточной литератур, М. Мокаев постоянно находился в поисках новых жанровых форм и способов их внедрения в балкарскую стихотворную форму. Внимание поэта привлекла форма сонета. Сохраняя формальные признаки сонета, М. Мокаев стремился органично включить его в парадигму национальной литературы. Следуя традициям мировой литературы, он выбрал именно сонетную форму для признания в любви родному краю. В наследии писателя насчитывается около 100 сонетов о Балкарии, которые подразделены на

¹ Тихтенген – вершина в Чегемском ущелье.

циклы – «Баксанские сонеты», «Чегемские сонеты», «Хуламские сонеты», «Безенгийские сонеты», «Черекские сонеты» («Мост в ущелье», 1985) [8, с. 11].

Однако, как было отмечено, категория «любовь» в поэзии М. Мокаева трактуется множеством значений, отражая понимание этого чувства как формы духовной культуры, включающей в себя разные ее виды. При этом отдельно можно выделить группу, в которой репрезентация чувства любви/привязанности основана на родственных и дружественных отношениях. К ней относятся стихотворения, посвященные матери, отцу, бабушке, друзьям, коллегам. Вместе с тем, особой эмоциональностью выделяются стихотворения о матери («Я матери лишился...», «Не устаю я одному дивиться...» и др.). Поэт рано потерял родителей, поэтому воспоминания о них для него болезненны: *«Анам, не аз жашадынг жер юсюнде! / Ырхы нечик эртде кесди жолунгу! / Сен жарык жырым эдинг. / Жыр юзюлдо. Манга азлык этди кюнню жылыуу»* [7, с. 22] (Мама, как мало ты прожила на этом свете! / Как рано селевой поток перекрыл твою дорогу! / Ты была моей светлой песней. / Песня оборвалась. Мне стало не хватать солнечного света). При этом, как правило, важными составляющими являются «световые/солнечные/небесные» метафоры, которые используются для передачи психологического состояния героя.

Световые метафоры получили широкое применение в лирике М. Мокаева. Они наиболее ярко передают ощущение потери/обретения важных для жизни героя ценностей. В данном случае потеря матери влияет на восприятие окружающего мира. Чувство душевного холода вызывает в теле ощущение нехватки тепла и света, так как потерян основной их источник.

В творчестве М. Мокаева небесные светила выступают в качестве неотъемлемых частей его индивидуальной образной картины мира. Так, в его поэзии формируется «тема звезды», в которой улавливаются черты, характерные для русских поэтов-шестидесятников, в частности Н. Рубцова.

Важность астральных явлений в лирике М. Мокаева обусловлена утверждением идеи о своеобразной связи человеческой души с природой. В произведениях часто встречаются аналогии «человек – звезда»:

*Юч шуёхум бар эди – бийик
Кёгюмю жарытхан юч жулдуз,
Жунчусам – эс, къарыу да берлик,
Мен кълмаз ючюн онгсуз, жолсуз* [6, с. 50].

Три друга были у меня – освещающие
Мое небо три светила (звезды),
В растерянности придающие силу,
Чтоб не остался я беспомощным, не сбился с пути.

В интимной лирике М. Мокаева любовь приобретает особый характер «освещения» подобно «свету любви». Так, в создании образа возлюбленной ключевую позицию занимают световая символика и природные аналогии: *«Сен келесе – Жер жарыйды, / Кёк жарыйды жангыдан; кече чарсы бош жанады, / умут отум жанганда»* [9, с. 68] (Ты приходишь – земля светлеет, / Небо светлеет, / зря

опускается ночной туман, / когда горит костер моей надежды). Стоит отметить, что в произведениях М. Мокаева ярко проявляется актуальная для поэзии шестидесятников тенденция: традиционные в национальной литературе мотивы печали сменяются чувством всепоглощающей, яркой любви. При этом пейзаж одновременно является композиционным элементом в тексте и играет важную роль при раскрытии человеческого характера.

В любовной лирике М. Мокаева женский образ, с одной стороны, заключает в себе красоту и гармонию мира, с другой – остается неопределенным, лишенным особой конкретики. Воспевание женской красоты – традиционный мотив для северокавказской поэзии. В творчестве М. Мокаева он реализуется как «элемент божественный и небесный» [11].

В основном для поэта любовь к противоположному полу – светлое чувство, приносящее радость: *«Таш – Жерни, жулдуз – Кёкню суйдю, / мен да сени суйдюм кёзбаууз. / Санга гул жыйдым, сабан сюрдюм, / сугъанакъсыз, къаугъасыз, даусуз. / Биреу айтырыкъ эсе уа дау, / мени санга суймеклигим – тау, / сыйыннгысыз хазнасы болъган, / шауданлары зынгырдап баръган»* [9, с. 50] (Камень – Землю, звезда – Небо полюбило, / я тоже тебя полюбил искренне. / Для тебя собрал цветы, вспахал поле, / Без сор, без претензий. / Если кто-то захочет поспорить, моя любовь к тебе – гора / с бесценными богатствами, / журчащими родниками).

Так, автор создает образ женщины-идеала, с которой стремится воссоединиться его лирический герой. Портрет героини всегда ускользающий, необычный, часто недостижимый. Данные особенности достигаются посредством обращения к астральным метафорам: луне, звездам, а также при помощи природных аналогий – флористических образов, времен года, водных стихий (дождь, водопад, снег, озеро, речка, море и т. д.).

При этом больше внимания уделяется передаче психологического состояния героя, изображению внутреннего мира, чувств, переживаний, вызванных платонической любовью. Тем самым поэт подчеркивает огромную роль женщины в жизни мужчины, влияние которой может быть как положительное, так и негативное: *«Черекни жагъасында сакълайма. / Кеч къалдынг нек? / Бу кече арасында дыгъыл этеди жюрек...»* / *Сени амалтын а мен не сынамадым артда! / Боранда чыгъыл элден, / жолда жыгъылдым атдан»* [6, с. 75] («Жду тебя на берегу реки. / Почему опоздала? / Этой ночью сжимается сердце...» / Чего я только не пережил из-за тебя! / Вышел из дома во время пурги, / по дороге упал с лошади).

Но в основном категория «любовь» в тексте М. Мокаева имеет положительную семантику, даже в период душевных переживаний, поэт призывает не терять надежду, ведь именно она находится в тесной связи с ценностями веры и любви: *«Умуту жоюлгъан къыйынлы Кюнюн, Айын да этеди тас. / Анычады, тюшюп къаядан, тюсюз кёлге батып кетген таи. / Умут – жанны жангыз къанаты, / ол сыннгынчы жашайды адам»* [7, с. 10] (Несчастный, утративший надежду, теряет не только свой День, но и Месяц. / Он подобен камню, который, скатившись со скалы, падает в бездонное озеро и тонет в нем. / Надежда – единственное крыло человека, / пока она не сломана, человек живет). Здесь улавливается некая связь с исламской философией, в которой надежда наделяется позитивным характером как в смысле

эмоциональной привлекательности, так и в плане ценностной легитимности. Но судить о религиозности поэтов-шестидесятников сложно, так как в эпоху «оттепели» литература только начинала отдаляться от атеистической идеологии.

Вместе с тем в поэзии шестидесятников начинает появляться конфессиональная лексика, и концепт «Аллах» становится одним из важных макроконцептов в их творчестве. Поэтому в произведениях балкарских поэтов-шестидесятников актуализация «небесно-светильных» ассоциаций связана не только с поиском новых адекватных образно-ассоциативных моделей (и проявлением актуальной для эпохи «оттепели» тенденции), но также с возрождением этнорелигиозного сознания в узком осмыслении данного аспекта. Поэты создают свою индивидуально-авторскую картину мира посредством разнообразных языковых средств, связанных с небесными образами, к примеру, рассвет может употребляться в значениях *надежда, перемены, новый* (день, этап в жизни и т. д.).

Причем в тексте мы наблюдаем сложную, иерархически построенную систему значений, вербализуемых различными категориями, семантически близкими данному концепту (Бог, Господь, Создатель, Творец, Всевышний). Аллах воспринимается писателями как источник жизни и создатель бытия, он Промыслитель мира. В частности, в художественной картине мира М. Мокаева религиозная лексика тоже встречается: «*Эртте биреу жашауну кьаргьагьаны / Айтълады таурухда. Аллах анны / Къара сокъур этип къойгьанды бирде, / Ол кёралмазча жарыгьын дуняны*» [10, с. 188] (Один в старину проклял жизнь, / Говорится в приданиях. / И Бог его ослепил за это, / Чтобы он перестал видеть свет мироздания).

Приблизительно в конце 1990-х гг., концепт «Аллах» в национальной поэзии представляется значимым макроконцептом, однако в творчестве писателей-шестидесятников (М. Мокаева, А. Созаева, Б. Гуртуева, Т. Зумакуловой, А. Байзулаева, М. Табаксоева и др.) восприятие Бога отличное от мусульманской философии. В таком контексте Бог оказывается максимально приземленным, вписанным в ментальное культурное пространство этноса.

При этом дидактический посыл в произведениях М. Мокаева обращен в большей степени не к исламскому вероучению, а к горскому этикету «Тау адет»:

*Адамла эсегиз, ахишлы, сиз,
Бирлеге игилик этип, артда
Аны дауун айтмагъыз кесигиз,
Намысыгъызны атмагъыз атдан.
Асыл жибекнича,
Чакъган терекнича,
Халаллыкъны кюйдюрмегиз отда* [8, с. 36].

Если вы люди, хорошо, вы,
Сделав добро, потом
Не напоминайте об этом сами,
Честь свою не роняйте с коня.

Как крутую бечевку,
Словно дерево цветущее,
Доброту не сжигайте в огне.

Автор развивает в произведениях устоявшуюся в карачаево-балкарской культуре социально-поведенческую норму. Призывает следовать правилам морали, выработанным в этносе веками.

ВЫВОДЫ

Таким образом, на примере лирики М. Мокаева мы отмечаем эволюцию художественного сознания в карачаево-балкарской литературе. Усиление субъективно-личностного начал и раскованность поэтической мысли, являются показателями новаторской направленности его произведений.

Художественному миру М. Мокаева присущи такие отличительные черты, как самостоятельность и яркое своеобразие поэтической интонации. В тематическом плане он стремился переосмыслить вечные, вневременные проблемы, которые часто переплетены между собой (любовь – родина – природа, философские думы о мироздании). В основе художественной концепции творчества М. Мокаева лежит категория «любовь», которая философски оформлена в сознании поэта.

Для М. Мокаева характерны романтическая тяга к идеалу красоты, стремление приобщиться к «иному», возвышенному миру. Его любовная лирика самобытна, психологически насыщена, метафорична. В ней отсутствует событийность, но каждое выражение заключается в смысловом композиционном развитии лирической темы, и концепт «любовь» необходимо рассматривать как фрагмент эмоциональной картины мира, который часто взаимодействует с универсальными для мировой литературы категориями и ценностными ориентациями. При этом лирика М. Мокаева не утратила черт национального своеобразия, в ней органично соединяются элементы фольклора и традиции мировой литературы. На наш взгляд, поэзия М. Мокаева демонстрирует не просто использование готовых форм фольклора (образов, сюжетных мотивов, изобразительно-выразительных средств), а обращение писателя к фольклору как к мировоззренческой системе.

Список литературы

1. Керимова, Р. А. Магомет Мокаев. Жизнь и творчество [Текст] / Р. А. Керимова // Известия КБНЦ РАН. 2020. – № 1 (93). – С. 63–67.
2. Киреевский, И. В. Критика и эстетика [Текст] / И. В. Киреевский. – М.: Искусство, 1979.
3. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография [Текст] / Н. А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
4. Кучукова, З. А. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики (Карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии) [Текст] / З. А. Кучукова. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. – 312 с.
5. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.

6. Мокаев, М. Х. Песни белых вершин: стихи и поэма (на балк. яз) [Текст] / М. Х. Мокаев. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 119 с.
7. Мокаев, М. Х. Турий рог [Текст] / М. Х. Мокаев. – Нальчик: Эльбрус, 1970. – 138 с.
8. Мокаев, М. Х. Мост в ущелье [Текст] / М. Х. Мокаев. – Нальчик: Эльбрус, 1985. – 232 с.
9. Мокаев, М. Х. Свет Вселенной [Текст] / М. Х. Мокаев. – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 176 с.
10. Мокаев, М. Х. Песни белых вершин [Текст] / М. Х. Мокаев. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 119 с.
11. Толгуров, З. Х. Формирование социалистического реализма [Текст] / З. Х. Толгуров. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 237 с.
12. Третьяченко, А. В., Якимович, Е. Л. Художественный мир поэзии «Тихих лириков» украинского шестидесятничества [Текст] / А. В. Третьяченко, Е. Л. Якимович // Новый филологический вестник, 2019. – № 1 (48). – С. 296–303.
13. Эйхенбаум, Б. М. О Поэзии [Текст] / Б. М. Эйхенбаум. – СПб.: Пальмира, 2017. – 511 с.
14. Хайдеггер, М. Время и бытие [Текст] / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

References

1. Kerimova R. A. *Magomet Mokayev. Zhizn' i Tvorchestvo* [Magomet Mokaev. Life and Work]. *Izvestiya KBNTS RAN*, 2020, no 1 (93), pp. 63–67.
2. Kireevskiy I. V. *Kritika i Jestetika* [Criticism and Aesthetics]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979.
3. Krasavskiy N. A. *Jemotsional'nyye Kontsepty v Nemetskoj i Russkoj Lingvokul'turakh: Monografiya* [Emotional Concepts in German and Russian Linguocultures.]: Monograph. Volgograd: Peremena Publ., 2001. 495 p.
4. Kuchukova Z. A. *Ontologicheskij Metakod kak Yadro Jetnopoetiki: (Karachayevo-Balkarskaya Mental'nost' v Zerkale Poezii)* [Ontological Metacode as the Core of Ethnopoetics: (Karachay-Balkarian Mentality in the Mirror of Poetry)]. Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2005. 312 p.
5. Lotman Yu. M. *Struktura Khudozhestvennogo Teksta* [The Structure of Artistic Text]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1970. 384 p.
6. Mokaev M. Kh. *Pesni Belykh Vershin: Stikhi i Poema* [Songs of White Peaks: Poems and Poem]. Nalchik: Elbrus Publ., 1979. 119 p.
7. Mokaev M. Kh. *Turiy Rog* [Bull Horn]. Nalchik: Elbrus Publ., 1970. 138 p.
8. Mokaev M. Kh. *Most v Ushchel'ye* [The Bridge in the Gorge]. Nalchik: Elbrus Publ., 1985. 232 p.
9. Mokaev M. Kh. *Svet Vselennoy* [The Light of the Universe]. Nalchik: Elbrus Publ., 1976. 176 p.
10. Mokaev M. Kh. *Pesni Belykh Vershin* [Songs of White Peaks]. Nalchik: Elbrus Publ., 1979. 119 p.
11. Tolgurov Z. Kh. *Formirovaniye Sotsialisticheskogo Realizma* [Formation of Socialist Realism]. Nalchik: Elbrus Publ., 1974. 237 p.
12. Tret'yachenko A. V., Yakimovich Ye. L. *Khudozhestvennyy Mir Poezii «Tikhikh Lirikov» Ukrainского Shestidesyatnichestva* [The Artistic World of Poetry of Quiet Lyricists of the Ukrainian Sixties]. *Novyy Filologicheskij Vestnik*, 2019, no 1 (48), pp. 296–303.
13. Eikhenbaum B. M. *O Poezii* [About Poetry]. St. Petersburg: Palmira Publ., 2017. 511 p.
14. Heidegger M. *Time and Being* [Vremya i Bytiye]. Moscow: Republic Publ., 1993. 447 p.

**THE FICTIONAL MODEL OF THE WORLD
IN THE POETRY OF M. KH. MOKAEV**

Kerimova R. A.

M. Mokaev is one of the most extraordinary and insufficiently studied Karachai-Balkarian poet of the 20th century. In this connection, the article is the first attempt to consider the ethical and aesthetic system of reflection of reality in the literary text of M. Mokaev. The work focuses on the main themes and motives of his lyrics, explores the poetic handwriting, identifies the artistic and stylistic features of creativity. As a result, the most important aspects in the development of the writer's artistic consciousness are revealed, the originality of the artistic and philosophical model of the world is revealed, the specificity of the relationship of continuity and innovation in the lyrics of M. Mokaev is determined. The analysis of poetic texts made it possible to identify the fundamental value orientations and moral aspirations of the Balkar artist. The main aesthetic category that forms the artistic model of the world in the works of M. Mokaev has been determined. On a thematic level, the poet strove to rethink the eternal, timeless problems that are often intertwined (love – homeland – nature, philosophical thoughts about the universe). At the same time, the artistic concept of the world is based on the category of "love", which is philosophically framed in the poet's mind. The artistic model of the world of M. Mokaev is considered at its three levels – ideological-figurative, structural-compositional and artistic-speech. To solve the set tasks, an integrated approach was used in the work, combining elements of comparative-typological, comparative-typological, systemic-holistic and historical-literary analysis.

Keywords: Karachai-Balkarian literature of the thaw, M. Mokaev, poetry, the concept of "love", the artistic world, natural philosophical lyrics.